

Мифогенез и антропогенез*

© 2021 г. А.П. Забияко

Амурский государственный университет,
Благовещенск, Амурская обл., 675027, Игнатъевское ш., д. 21.

E-mail: sciencia@yandex.ru

Поступила 21.08.2020

В XIX – начале XXI в. в изучении мифологии последовательно доминировали три парадигмы исследования мифогенеза: историческая, внеисторическая и историко-когнитивная. Историко-когнитивная парадигма опирается на новейшие научные результаты в области археологии, антропологии и когнитивистики. Современная модель антропогенеза предполагает существование общих закономерностей развития трех видов *Ното* – сапиенсов, неандертальцев и денисовцев. Есть основания полагать, что не только представители вида *Ното sapiens*, но также неандертальцы и денисовцы обладали высокими когнитивными возможностями и признаками поведения современного типа. Важнейшими основами мифогенеза являются функционирование языка и деятельность воображения. Все три популяции древнего человечества достигли когнитивного минимума, открывавшего пути к мифогенезу. Признаки мифогенеза отчетливо фиксируются не позднее времени перехода от среднего к верхнему палеолиту, в период раннего ориньяка, но начало этого процесса уходит в более раннюю эпоху.

Ключевые слова: мифогенез, мифология, религия, антропогенез, *Ното*, язык, воображение, петроглифы, мобильное искусство, палеолит.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-3-57-67

Цитирование: Забияко А.П. Мифогенез и антропогенез // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 57–67.

* Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 20-011-00408 «Генезис и эволюция религий народов Амура».

Mythogenesis and Anthropogenesis*

© 2021 Andrey P. Zabyako

Amur State University,
21, Ignatievskoe highway, Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation.

E-mail: sciencia@yandex.ru

Received 21.08.2020

In the period of the 19th – beginning of the 21st century in the study of mythology three paradigms of the study of mythogenesis have consistently dominated – historical, non-historical and historical-cognitive. The historical-cognitive paradigm is based on the latest scientific results in the field of archeology, anthropology and cognitive science. The modern model of anthropogenesis assumes the existence of general regularities of development of three types of *Homo* – *Homo sapiens*, Neanderthals and Denisovans. There are reasons that are not only *Homo sapiens*, but also the Neanderthals and Denisovans had high cognitive capabilities and signs of modern human behavior. The most important foundations of mythogenesis are the functioning of language and the activity of the imagination. All three populations of ancient mankind reached a cognitive minimum, which opened the way to mythogenesis. Signs of mythogenesis are clearly recorded no later than the time of the transition from the Middle to Upper Paleolithic, during the Early Aurignacian, but the beginning of this process goes back to an earlier period.

Keywords: mythogenesis, mythology, religion, anthropogenesis, *Homo*, language, imagination, petroglyphs, mobile art, Paleolithic.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-3-57-67

Citation: Zabyako, Andrey P. (2021) “Mythogenesis and Anthropogenesis”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 3 (2021), pp. 57–67.

Введение. Основные дефиниции

Целью данной статьи является экспликация современных данных из области антропологии, археологии и когнитивистики, направленная на понимание закономерностей возникновения мифологии.

На фоне многочисленных перетолкований исходного для языка и науки смысла слова *миф* нужно вернуться к первичному значению греческого слова, которое указывает на *рассказ, сказание*. Миф как текст, имеющий сюжет – связанную последовательность событий и образов, отличается от других форм повествования своим главным референтом. Смыслообразующим объектом изображения мифа являются существа и события, причастные сверхэмпирической реальности, инобытию. Сущностные качества мифа и мифологии, их отличия от других разновидностей повествований производны от представлений об инобытии. Миф – это повествование, образы, сюжет, прагматика и функции которого связаны с инобытием. Мифология – тип повествования, комплекс нарративов, семантика и прагматика которого производны от идеи инобытия – запредельной земному миру реальности, в которой пребывают существа и силы, определяющие земное существование. В сознании инобытийность

* The study was supported by the RFBR grant, project No. 20-011-00408 “Genesis and evolution of religions of the peoples of the Amur river”.

явлена прежде всего как чудо. Миф и мифология – это сюжетно выстроенные высказывания о необыденном, оперирующие образами и мотивами, в которых главенствует идея чуда.

Смены парадигм

Современные научные знания в области изучения мифологии начали формироваться в первой половине XIX в. и развивались в исследовании мифогенеза в рамках смены трех парадигм.

Первая – историческая парадигма мифогенеза – была следствием мировоззрения романтизма и теории эволюции. Идеи романтизма вдохновляли первых исследователей на поиск истоков человеческой культуры, начал этнической самобытности, первооснов творчества. И.Г. Гердер, Я. и В. Гримм, Ф.М. Мюллер, А.Н. Афанасьев и многие иные углублялись в фольклор и раннюю литературу. Развитие антропологии и археологии расширяло круг источников и концепций. Собиравшие и обобщавшие сведения о первобытных народах антропологи Э. Тайлор, Дж. Фрэзер, Р. Маретт, Э. Лэнг и др. обращались прежде всего к ритуалу, выявляя в его сценарии исходный миф. Археологи Ж. Буше де Перт, Э. Ларте, Э. Пьетт, получившие в руки первые образцы мобильного искусства, каждый по-своему интерпретировали зоо- и антропоморфные образы скульптур и гравировок в контексте их причастности к древнейшей мифологии. Открытие наскальных изображений расширило круг источников для исторических реконструкций генезиса мифологии. Эволюционизм фундировал этот процесс соответствующей времени научной методологией: генеральная идея исторической парадигмы мифогенеза заключалась в том, что мифология возникает на определенной стадии эволюции человека и человечества как следствие прогресса когнитивных и социальных возможностей людей, перешедших со стадии троплодитов на более высокую стадию. Историческая парадигма еще входила в зенит своего движения, когда в начале XX в. появились идеи, знаменовавшие рождение новой парадигмы.

Вторая – внеисторическая парадигма мифогенеза – была реакцией на эволюционизм и социологизм в трактовках происхождения мифологии. Психианализ З. Фрейда с его пансексуализмом, неизбежным повторением в онтогенезе индивидуальной психики «возвращения вытесненного» и драмы отцеубийства, глубинная психология К.Г. Юнга с вечными архетипами «коллективного бессознательного» открыли новый источник изучения мифологии – психику. Эти теории предъявили также новую руководящую идею понимания мифогенеза: миф не рождается в далекой истории человечества, а проявляет свое присутствие на каждом этапе истории. Психика каждого человека заключает в своих глубинах неизменные в своей сущности и структуре данности (комплексы, архетипы), которые при определенных обстоятельствах приобретают однотипные для всех людей формы мифических образов и сюжетов.

В фольклористике и литературоведении сравнительное изучение огромного массива вербальных мифологических текстов сопровождалось неизбежной формализацией знания, созданием типологий и классификаций (А. Аарне, С. Томпсон), выявлением форм, структур и функций мифологии (В.Я. Пропп, Ф. Боас, Ж. Дюмезиль, К. Леви-Стросс и др.), что вкупе с иными причинами сдвинуло на второй план изучение генезиса мифа. В антропологии сходные тенденции определили гегемонию структурно-функционального направления (Б. Малиновский, Э. Эванс-Причард и др.), в рамках которого миф – явление, производное от функции, – стал элементом функционирующего социального института, общее понимание которого не требует специального изучения происхождения отдельных элементов структуры. В религиоведении с середины XX в. большое влияние приобретает феноменология религии. Венцом ее в изучении мифологии стали труды М. Элиаде; следуя в русле первофеноменов Р. Отто, архетипов коллективного бессознательного К. Юнга, она свела проблему генезиса мифа к иерофаням и «вечным возвращениям». Генеральная идея внеисторической парадигмы мифогенеза наиболее последовательно выразилась в представлении о *homo mythologicus* – близнеце *homo religiosus*.

Следует отметить, что в российской традиции в силу высокого авторитета зарубежных классиков исторической парадигмы и отечественных представителей эволюционизма в изучении мифологии (Л.Я. Штернберга, В.Г. Богораза, Д.К. Зеленина, Б.А. Тураева, И.М. Дьяконова, А.П. Окладникова, и др.), а также родства эволюционизма и исторического материализма внеисторическая парадигма не имела широкого влияния вплоть до конца XX в. [Шахнович, Терюкова (ред.) 2018]. Разумеется, российские ученые не остались в стороне от методологии структурализма, функционализма, однако исторический подход никогда не утрачивал своей значимости. Об этом пишет «формалист» В.Я. Пропп «структуралисту» К. Леви-Строссу [Пропп 2001, 459–461]. Поэтому российские исследования мифологии вполне органично согласуются с вновь набравшим силу в мировой науке процессом изучения мифологии, как и в целом древнейших культур, в ракурсе их генезиса.

В настоящее время можно говорить о третьей – историко-когнитивной парадигме мифогенеза. Она многим обязана новейшим открытиям в археологии, антропологии и когнитивистике. В своих основных подходах эта парадигма следует идеям эволюционизма и историзма, но избегает представлений о жесткой стадильности исторического развития, обязательности длительных поступательных переходов от «низшего» к «высшему», господстве общих закономерностей эволюции человеческих популяций и культур над их вариативностью, однотипности «прогресса» территориально разных групп человечества. Проблема генезиса мифологии, религии, культуры вновь сомкнулась с проблемами антропогенеза.

Модели антропогенеза и культуртрегерство

В 1840–1860-е гг. в руках исследователей далекого прошлого оказались первые образцы «допотопной» скульптуры и гравировки. После открытия в 1879 г. Альтамиры глазам открылись палеолитические росписи. Однако в научных кругах признание их подлинной древности утверждалось с большим трудом. Высокий художественный уровень исполнения и семантика образов предполагали высокий уровень развития сознания создателей. Но в свете теорий прогресса того времени считалось недопустимым, что уже на первой ступени эволюции, в понятиях Л. Моргана – в период «дикости», человеку присущи такие качества сознания, как воображение и стремление выйти за пределы повседневности, без которых мифология и религия невозможны. Один из крупнейших специалистов по палеолиту Г. де Мортилье доказывал, что в «доисторическую эпоху» интеллектуальный и эстетический максимум людей ограничивался удовлетворением материальных потребностей, украшением внешнего вида подвесками и подражанием природе в процессе изготовления поделок из камня и кости. На какие-либо «абerrации ума» в сторону религии и мифологии не было ни свободного времени, ни силы воображения [Mortillet 1885, 475–476]. Разновидностью такого понимания была концепция раннего творчества как «искусства ради искусства», которая воздерживалась от допущения какого-либо религиозно-мифологического содержания, вложенного в образы искусства. Предполагалось, что только с появлением производящего хозяйства формируются социальные условия (свободное время, специализация в духовной деятельности), а также когнитивные предпосылки (обращение умственных операций за пределы повседневных нужд), создающие возможность мифогенеза.

К концу XIX – началу XX в. под давлением накопившегося эмпирического материала, свидетельствующего о наличии в верхнепалеолитические периоды солютре и мадлен религии, установка на отсутствии мифологии в обществах древних охотников была преодолена в трудах Э. Пьетта, а затем других археологов и антропологов. В итоге сложилась главенствующая до конца XX в. концепция, согласно которой мифология, религия и сопутствующее им искусство возникают в популяции *Homo sapiens*, у кроманьонцев, в поздних периодах верхнего палеолита, которые датируются временем около 20–10 тыс. лет назад. Им предшествовали периоды, говоря словами А. Леруа-Гуран, детских лепетов, невнятных бормотаний [Leroi-Gourhan 1962, 93].

Эта концепция допускала некоторые дополнения, касавшиеся популяций *Homo*, периодизаций и датировок. В России перспективные идеи содержались в исследованиях П.И. Борисковского, П.П. Ефименко, А.П. Окладникова, ряде других, в которых была поставлена проблема существования достаточно сложного сознания у неандертальцев, возникновения в этой популяции «зачатков» религиозных представлений, воззрений на природные явления в ракурсе их антропоморфизации и мифологизации. Так, в 1938 г. А.П. Окладников открыл погребение неандертальского ребенка в пещере Тешик-Таш и предложил новаторские для своего времени трактовки. Согласно им, в период среднего палеолита, в культуре мустье, у «обезьяноподобных по физическому складу неандертальцев» за их «примитивным» внешним видом скрывалось достаточно «сложное мышление», которое развилось до «чисто человеческих психических качеств, то есть устойчивого запаса относительно сложных представлений о внешнем мире и о самом себе, находящих выражение в определенных действиях»; эти представления включали «идеи, связанные ныне с культом мертвых, животных, огня и, вероятно, солнца как небесного огня» [Окладников 1949, 76–80].

Итак, к середине XX в. в науках о человеке появились эмпирически обоснованные суждения о том, в конце среднего палеолита, в мустье с датировкой около 40 тыс. лет назад, возникают первые «зачатки» религиозно-мифологических воззрений. В целом такие суждения непротиворечиво укладывались в общую концепцию эволюции вида *Homo neanderthalensis* в *Homo sapiens* и прогрессивного движения от «зачатков» к развитым формам. В ракурсе этой концепции популяция *Homo sapiens* – вершина эволюции и культуртрегер человечества.

В начале XXI в. открытия в области происхождения человечества радикально изменили многие прежние представления, включая теории антропо- и мифогенеза. Начатое в 2006 г. секвенирование генома неандертальца привело к неожиданному результату – оказалось, что вид *Homo neanderthalensis* не является предковой популяцией по отношению к *Homo sapiens*, а представляет собой отдельный вид (таксон) *Homo*. Начало отделения этого вида от общего ствола *Homo erectus* датируется временем около 750 тыс. лет назад. Формирование неандертальцев связано с афро-европейской предковой популяцией (*Homo heidelbergensis*, гейдельбергским человеком; в Африке – *Homo heidelbergensis/rhodesiensis*), а также миграциями и скрещиваниями с другими видами, что привело ко времени поздних неандертальцев к значительному разнообразию территориальных групп этого вида [Hajdinjak 2018]. Эволюция гейдельбергской популяции на западе Европы привела к формированию европейских неандертальцев, представителей культуры мустье. В целом по своим антропологическим и культурным характеристикам «классические» неандертальцы представляли вполне развитый вид *Homo* [Вишняцкий 2010].

Обнаружение в Денисовой пещере костных останков человека и расшифровка в 2009 г. генома открыли новый вид – денисовского человека (*Homo denisovensis*, *Homo altaensis*), начало развития которого как отдельного таксона датируется временем около 700 тыс. лет назад и связано с ранними миграциями из Африки через Ближний Восток в Сибирь [Krause 2010; Reich 2010]. В 2016 г. были найдены два фрагмента черепа денисовца, изучение которых проливает дополнительный свет на когнитивные возможности этой популяции, однако из всего массива известных сведений о ней очевидно, что по антропологическим характеристикам и поведенческим стратегиям денисовский человек не уступал в развитии неандертальцам и современным ему представителям *Homo sapiens*. В Денисовой пещере в границах литологического слоя 11, который относится к начальной стадии верхнего палеолита (50 тыс. лет назад) и в котором находился фрагмент фаланги пальца девочки, найдены многочисленные артефакты утилитарного и неутилитарного назначения (индивидуальные украшения, образцы символической деятельности), свидетельствующие о высоком уровне технологий и духовных побуждений [Деревянко и др. 2008].

Вид *Homo sapiens* восходит к общему с неандертальцами и денисовцами предковому стволу *Homo erectus*. Существование первых групп, соответствующих представлениям

о древнейших *Homo sapiens*, людях современного анатомического типа, датируется временем около 300 тыс. лет назад и локализуется в Африке. Возможно, к самым ранним относятся гоминины из Флорисбада (ЮАР) и Джебель-Ирхуд (Марокко). Изучение черепов из Джебель-Ирхуд позволило установить, что в период 315 ± 34 тыс. лет назад появляются гоминины, морфологически связанные с эволюцией людей современного анатомического типа, самые ранние из всех известных представители клады *Homo sapiens* [Hublin 2017, 298]. Важно, что, хотя нейрокраниальная и эдокраниальная морфология, а значит, морфология головного мозга людей из Джебель-Ирхуд более примитивны, чем морфология анатомически современных людей (при сопоставимом объеме мозг первых имеет удлинненную форму, а не округлую), эти люди использовали при изготовлении орудий технологии Леваллуа. Это значит, что знаменующие начало культур среднего палеолита каменные индустрии связаны с *Homo sapiens* [Richter 2017, 296]. До этих открытий начало среднего палеолита связывали с предшественниками сапиенсов, прежде всего с неандертальцами.

Принято считать, что в интервале 120–90 тыс. лет назад началось движение популяции сапиенсов через Ближний Восток за пределы Африки. Изучение костных останков представителей клады *Homo sapiens* с датировкой 177–194 тыс. лет назад, обнаруженных в пещере Мислия (Израиль), удревнило начало исхода до 200 тыс. лет назад. Авторы открытия, ссылаясь на материалы из Джебель-Ирхуд, обращают внимание, что люди из пещеры Мислия тоже владели леваллуазскими технологиями обработки камня, что подтверждает участие сапиенсов в создании культур среднего палеолита [Hershkovitz 2018].

Расселение по Евразии сопровождалось изменениями морфологических, когнитивных и иных признаков разных групп. В период около 60–40 тыс. лет назад представители вида *Homo sapiens* приобрели в разных регионах ойкумены вполне современный анатомический вид и типичную для сапиенсов глобулярную форму мозга. Ко времени 45 тыс. лет назад они начали демонстрировать устойчивый набор признаков поведенческой современности [Powell 2009].

Таким образом, прежняя теория линейной эволюции, схематично иллюстрируемая шеренгой идущих в затылок друг другу потомков первых прародителей, сменилась теорией кустистой эволюции. В средне- и верхнепалеолитических периодах антропогенеза параллельно развиваются несколько видов *Homo*, три из которых – денисовцы, неандертальцы и сапиенсы – обладали не только хорошо адаптированным к условиям жизни анатомическим строением, но и признаками поведения современного типа. Модель кустистой эволюции дополняется достоверно установленными для всех видов процессами межвидовой гибридизации, которые сопровождались обменом не только генами, но и культурным опытом, что вело к конвергенции культур. Общие африканские корни, общие базовые стратегии адаптации, обеспечивавшие культурно-антропологическую общность популяций *Homo*, в реальных условиях развития отдельных групп сопрягались с длительными периодами изолированного существования в границах обособленных регионов, что вело к антропологическому и культурному многообразию человечества, возникновению многих локальных центров культуро- и антропогенеза.

В ракурсе новой модели антропогенеза бесперспективно выделять один из видов человечества на роль культуртрегера, определять время и место, где и когда представители этого вида создали первые образцы, определившие дальнейшее развитие культуры. Каждый из трех хорошо известных ныне видов обладал возможностями для культивирования разных форм утилитарной и неутилитарной деятельности.

Возникновение языка и речи

Важнейшими основами мифогенеза являются функционирование языка и деятельность воображения. Появление речи остается предметом дискуссий [Бурлак 2011]. Вплоть до середины 1990-х гг. считалось, что до начала верхнего палеолита языка либо

не было, либо он был крайне примитивным. Этой позиции придерживался крупный археолог П. Мелларс, фундируя ее теорией радикальных изменений, сопровождавших переход от среднего к верхнему палеолиту, следствием которых стало появление настоящего человеческого языка. Он ссылался на идеи Н. Хомского, согласно которому появление современного языка было «катастрофическим» событием, а не поступательным процессом когнитивной и лингвистической эволюции [Mellars 1996, 390–391]. Согласно такому подходу, общий для человечества язык возникает около 40 тыс. лет назад в популяции анатомически современных людей [Ruhlen 1996].

В конце XX – начале XXI в. была выдвинута смелая гипотеза о существовании сходного по уровню развития языка в популяциях неандертальцев и анатомически современных людей, населявших Африку (Бломбос), Левант и Европу в период 90–70 тыс. лет назад [d’Errico 2003]. В ходе дискуссии появились археологические и антропологические данные, существенно дополняющие эту гипотезу. Исследование костных останков *Homo heidelbergensis* из Сима де лос Уэсос (Испания) с привлечением антропологических данных из Крапины (Хорватия) установило, что по крайней мере европейские гейдельбергские люди около 500 тыс. лет назад отличались важным человеческим признаком – праворукостью [Lozano 2009]. Праворукость – следствие эволюции гоминид, усложнения и специализации полушарий головного мозга; в левом, связанном с праворукостью, локализован центр Брока, обеспечивающий моторику, продуцирование и понимание речи. Этот центр развился в результате орудийной деятельности, благодаря которой в сознании и мозге человека закреплялись особые структуры поведения, которые стали основой протограмматики языка [Forrester, Quaresmini 2013]. Данные о праворукости *Homo heidelbergensis* согласуются с концепцией о сопутствующих ей когнитивных способностях к речевой коммуникации [Lozano 2009, 375]. Однако пока сведения о вербальных и неугильтарных практиках *Homo heidelbergensis* слишком скудны, чтобы делать какие-либо заключения даже о протомифологии.

Европейские неандертальцы еще недавно имели в науке образ существ молчаливых и примитивных. Ныне, говоря словами, вынесенными в заголовок тематического выпуска журнала “Dossier d’Archéologie” 2011 г., «неандерталец реабилитирован». Неандертальцы Европы – прямые потомки гейдельбергской популяции. Для них характерны праворукость и асимметрия головного мозга, которая, по мнению многих исследователей, указывает на наличие речи [Volpato 2012]. На нижней челюсти неандертальцев выявлены признаки, указывающие на крепление мышц, которые осуществляли речевые движения языка. В ходе расшифровки генома неандертальцев установлено присутствие в гене FOXP2 эволюционных изменений, которые соответствуют изменениям гена FOXP2 в популяции *Homo sapiens* и которые у других приматов отсутствуют. Ген FOXP2 поддерживает разные функции, включая регулирование звукоизвлечения. Специфика выявленных эволюционных изменений была направлена на развитие способности к членораздельной речи. Получившие эти данные исследователи допускали, что сходные изменения в гене, вовлеченном в формирование языка и речи, очевидно, имели начало у общего предка неандертальцев и сапиенсов, жившего около 300–400 тыс. лет назад [Krause 2007].

Эти выводы в дальнейшем были скорректированы с учетом новых генетических, нейropsихологических и иных данных, которые поддерживают позицию, что неандертальцы по крайней мере в развитой фазе эволюции обладали речью [Dediu, Levinson 2013]. Подтверждением тому являются не только их антропологические особенности. Неандертальцы – охотники на крупных, опасных животных, добыча которых требует знаний, орудийных технологий, коллективных стратегий, координации поведения и мышления, закрепления и передачи опыта. Такой сложный комплекс мог быть эффективно обеспечен только при наличии языка [Patou-Mathis 2011, 61]. Локальные группы неандертальцев средней численностью от 12 до 24 человек имели внутреннюю социальную структуру. Локальные группы, занимавшие территорию около 1–2 тыс. км², входили в большие социальные структуры – макрогруппы общим составом от 10 до 20 групп. Эти «дружественные» группы противостояли «враждебным»

группам. В рамках макрогрупп происходил обмен, включая брачный. «Дружественные» группы были, вероятно, связаны общими диалектными особенностями и имели понятия для описания как себя, так и чужих групп [Hayden 2011, 25]. Сложный социальный комплекс не мог существовать без вербальной коммуникации, которая, конечно, дополнялась другими способами коммуникации. Можно с долей осторожности говорить о ритуальных центрах (например, в пещере Брюникель), создание и функционирование которых предполагало достаточно сложный уровень взаимодействия неандертальцев, включавший язык [Jaubert 2016].

Эти и многие другие аргументы в пользу наличия речи у неандертальцев не свернули полемику. Неоднозначны интерпретации мутаций гена FOXP2 [Atkinson 2018]. Н. Хомский, П. Мелларс и ряд других ученых по-прежнему не находят достаточных оснований для признания существования у неандертальцев языка, соответствующего поведенческой современности [Mellars 2010]. Дискутируемой остается проблема фонетики, грамматики, лексического состава языка неандертальцев, в особенности в ракурсе различий локальных сообществ. Так, в книге Р. Боты развивается мысль, что этот язык имел совокупность «референтных знаков», но не имел развитой грамматики, поскольку для охоты речевое общение не является обязательным условием успеха, достаточно отдельных слов [Botha 2020].

Большинство участников полемики признает наличие у неандертальцев развитого языка, широкого набора признаков поведенческой современности, а также необходимых для их обеспечения когнитивных способностей [Zilhão 2012; Otte 2015]. Некоторые представители психолингвистики связывают происхождение языка с последней общей для неандертальцев, сапиенсов и денисовцев предковой популяцией – *Homo erectus* [Dediu, Levinson 2013].

Всем трем популяциям были присущи общие закономерности в развитии технологий, образа жизни и сознания. Нет ни теоретических, ни эмпирических оснований полагать, что язык был своего рода девиацией, возникшей в ходе эволюции одного вида – *Homo sapiens*. Возникновение языка и речи было одним из базисных компонентов эволюции каждой популяции, как и всего человечества. Каждая популяция, по крайней мере в развитой фазе своей эволюции, в переходный период от среднего к верхнему палеолиту обладала языком как способом фиксации и трансляции смыслов, а также речью как типом поведения, которые являются важнейшей предпосылкой мифогенеза.

Древнейшие образцы деятельности воображения

Воображение – когнитивный процесс, содержанием которого является конструирование в сознании новой реальности. Эта реальность может быть локализована в пределах обыденной реальности или же за ее границами, получая статус инобытия. Конструируя образы инобытия, воображение создает мифологию.

Важнейшим источником изучения древнейших проявлений воображения выступают образцы палеолитического наскального и мобильного искусства, а также погребальные практики и украшения. Основные сведения о современных археологических данных, закладывающих эмпирический фундамент данной темы, отражены в публикациях [Забяико 2018; Забяико 2020]. Выделим главное.

Древнейшие наскальные изображения выявлены на огромной территории от Франко-Кантабрии до Индонезии. Эти изображения могли выполнять разные функции, в том числе во многих случаях функцию визуализации мифологических представлений. Датировка самых ранних дискутируется, но в целом ситуация такова. В испанских пещерах Мальтравиесо – 66,7 тыс. лет назад, Ла-Пасиега – 64,8 тыс. лет назад, Нерхо – от 43,5 до 42,3 тыс. лет назад, Эль Кастильо – минимальный возраст красного диска 40,8 тыс. лет назад, Горама – 39 тыс. лет назад. В гроте Абри Бланшар (Франция) – 38 тыс. лет назад. В пещере Шове (Франция) некоторые «черные» зооморфные фигуры – от 37 до 33,5 тыс. лет назад. В пещере Лубанг Джерий Салех (Индонезия) минимальная дата зооморфной

фигуры (быка) – 40 тыс. лет назад. Вполне вероятно, что ранние испанские петроглифы созданы неандертальцами [Rodríguez-Vidal 2014].

В начале XXI в. датировка первых образцов мобильного искусства удревлена до времени около 42–40 тыс. лет назад и отнесена к началу верхнего палеолита, раннему ориньяку. Существуют гораздо более древние датировки некоторых артефактов, но они пока не получили общего признания. В пещере Ковалехос (Испания) плитка с зооморфными гравировками с имеет возраст 34,8–33,9 тыс. лет назад. Гравированные плитки из пещеры Фумане (Италия) датированы возрастом 41 тыс. лет назад. Каменная плита с выбитым образом быка из Абри Бланшар (Франция) датирована временем около 38 тыс. лет назад. В горах Швабской Юры (Германия) в пещерах были обнаружены скульптурные изображения, которые по результатам современных датировок претендуют на положение древнейших образцов зооморфной пластики. Так, в пещере Вогельхерд зооморфные фигуры отнесены к периоду 40–35 тыс. калиброванных лет назад. [Conard 2015, 7–8]. Знаменитая скульптура Человекольва из пещеры Холенштайн (Штадель) датирована временем 39–41 тыс. калиброванных лет назад. Согласно К.-И. Кинду, такая «химера, которая не существует в реальной жизни, свидетельствует об удивительной силе воображения и огромных интеллектуальных возможностях людей уже в начале верхнего палеолита, вскоре после того, как представители *Homo sapiens* распространились по Европе» [Kind 2015, 141]. Обобщая результаты исследований в пещерах Швабской Юры, Н. Конард развивает мысль о том, что фигуративные образы выражали развитые мифологические представления древнего населения этого региона [Conard 2015, 12].

В рамках дискуссии об антропологической атрибуции древнейших образцов фигуративного искусства ряд исследователей, опираясь на данные из пещеры Фумане и пещер Швабской Юры, утверждает, что появление фигуративных образов и связанных с ними представлений является прерогативой исключительно *Homo sapiens*. Из этого следует, что символическое и мифологическое сознание – отличительная черта этой популяции. Такое утверждение небесспорно в свете многих данных о когнитивных способностях и символических практиках неандертальцев и денисовцев.

Сложно отрицать, что погребальные практики, украшения, пещерный комплекс Брюникель и ряд других проявлений символической деятельности неандертальцев сопряжены с мифологическими представлениями. В 2019 г. в Денисовой пещере был обнаружен артефакт исключительной важности – изготовленная из бивня мамонта фигурка льва. Фрагменты красной краски на правом боку и животе дали основание для образного наименования – «раненый лев». Скульптурное изображение являлось неутилитарным предметом, семантика и прагматика которого имела отношение к религиозно-мифологическим представлениям и ритуальным практикам. «Раненый лев» находился в отложениях 11 слоя, которые связаны с артефактами начала верхнего палеолита, относятся к периоду около 45 тыс. лет назад и соотнесены с деятельностью денисовской популяции [Деревянко и др. 2019]. Если принадлежность скульптуры денисовцам будет доказана, это значительно расширит не только географические границы возникновения фигуративных изображений в палеолитическом искусстве, но также изменит картину антропологических истоков фигуративного искусства и связанного с ними древнейшего религиозно-мифологического пласта.

Заключение

Главной проблемой, поставленной эволюционизмом перед исследователями мифологии, является проблема эволюции когнитивных возможностей человека, благодаря которой сознание переходит от домифологической стадии к мифологической. Эта проблема порождает ряд фундаментальных вопросов. Каков когнитивный минимум, необходимый для зарождения и устойчивого функционирования мифа? Какой вид *Homo* достигает когнитивного минимума? Когда появляются признаки мифогенеза? Сформулируем ответы, не претендующие на исчерпывающую полноту. Появление

языка и воображения является когнитивным минимумом, необходимым для зарождения и функционирования мифа. Все три развившиеся до высокого уровня вида древнего человечества – сапиенсы, неандертальцы и денисовцы – достигли когнитивного минимума, открывавшего пути к мифогенезу. Признаки мифогенеза отчетливо фиксируются в период перехода от среднего к верхнему палеолиту, в раннем ориньяке.

Ссылки – References in Russian

- Бурлак 2011 – Бурлак С.А. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. М.: Corpus, 2011.
- Вишняцкий 2010 – Вишняцкий Л.Б. Неандертальцы: история несостоявшегося человечества. СПб.: Нестор-История, 2010.
- Деревянко и др. 2008 – Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 2 (34). С. 13–25.
- Деревянко и др. 2019 – Деревянко А.П., Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Палеолитическая скульптура из Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 103–108.
- Забияко 2018 – Забияко А.П. Генезис религии: возникновение зоолатрии по материалам наскальных изображений // Религиоведение. 2018. № 4. С. 5–25.
- Забияко 2020 – Забияко А.П. Генезис религии: возникновение зоолатрии по материалам мобильного искусства Западной и Центральной Европы // Религиоведение. 2020. № 1. С. 5–28.
- Окладников 1949 – Окладников А.П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия) // Тешик-Так. Палеолитический человек. М.: МГУ, 1949. С. 7–85.
- Пропп 2001 – Пропп В.Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки // Семиотика: Антология. М.: Академический проект, 2001. С. 453–471.
- Шахнович, Терюкова (ред) 2018 – История религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX века. Архивные материалы и исследования / Отв. ред. М.М. Шахнович, Е.А. Терюкова. СПб.: СПбГУ, 2018.

References

- Atkinson, Elizabeth G. et al. (2018) “No Evidence for Recent Selection at FOXP2 among Diverse Human Populations”, *Cell*, Vol. 174, pp. 1424–1435.
- Botha, Rudolf (2020) *Neanderthal Language: Demystifying the Linguistic Powers of our Extinct Cousins*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Burlak, Svetlana A. (2011) *Origin of Language: Facts, Research, Hypotheses, Corpus, Moscow* (in Russian).
- d’Errico, Francesco et al. (2003) “Archaeological Evidence for the Emergence of Language, Symbolism, and Music – An Alternative Multidisciplinary Perspective”, *Journal of World Prehistory*, Vol. 17, No. 1, pp. 1–70.
- Dediu, Dan, Levinson, Stephen C. (2013) “On the antiquity of language: the reinterpretation of Neanderthal linguistic capacities and its consequences”, *Frontiers of Psychology*, Vol. 4, pp. 1–17.
- Derevianko, Anatoly P., Shunkov Mikhail V., Fedorchenko Alexander Yu., Kozlikin Maxim B. (2019) “Paleolithic sculpture from Denisova cave”, *Problems of archeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories*, Vol. 25, pp. 103–108 (in Russian).
- Derevianko, Anatoly P., Shunkov, Mikhail V., Volkov, Pavel V. (2008) “Paleolithic Bracelet from Denisova Cave”, *Archeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia*, Vol. 34 (2), pp. 13–25 (in Russian).
- Forrester, Gillian S., Quresmini Caterina (2013) “The Right Hand Man: Manual Laterality and Language”, Csermely, D., Regolin, L., eds., *Behavioral Lateralization in Vertebrates*, Springer-Verlag, Berlin, Heidelberg, pp. 125–141.
- Hajdinjak, Mateja et al. (2018) “Reconstructing the genetic history of late Neanderthals”, *Nature*, Vol. 555, pp. 652–656.
- Hayden, Brian (2011) “Peut-on d’une structure sociale néandertalienne?”, *Dossier d’Archéologie*, No. 345, pp. 22–25.
- Hershkovitz, Israel et al. (2018) “The earliest modern humans outside Africa”, *Science*, Vol. 359, pp. 456–559.
- Hublin, Jean-Jacques et al. (2017) “New fossils from Jebel Irhoud, Morocco and the pan-African origin of *Homo sapiens*”, *Nature*, Vol. 546, pp. 289–292.

- Jaubert, Jacques et al. (2016) "Early Neanderthal constructions deep in Bruniquel Cave in southwest-ern France", *Nature*, Vol. 534, pp. 111–114.
- Kind, Claus-Joachim (2015) "Protecting the Stratigraphic Sequences of Caves on the Swabian Jura", Sanz, Nuria, ed., *Human Origin Sites and the World Heritage Convention in Eurasia*, Vol. 2, United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, Paris, pp. 135–148.
- Krause, Johannes et al. (2007) "The Derived FOXP2 Variant of Modern Humans Was Shared with Neanderthals", *Current Biology*, Vol. 17 (21), pp. 1–5.
- Krause, Johannes et al. (2010) "The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia", *Nature*, Vol. 464, pp. 894–897.
- Leroi-Gourhan, Arlette (1962) "La grotte de Lascaux", *Bulletin de la Société Botanique de France*, No. 109, pp. 91–95.
- Lozano, Marina et al. (2009) "Right handedness of *Homo heidelbergensis* from Sima de los Huesos (Atapuerca, Spain) 500,000 years ago", *Evolution and Human Behavior*, Vol. 30, pp. 369–376.
- Mellars, Paul (1996) *The Neanderthal Legacy: An Archaeological Perspective from Western Europe*, Princeton University Press, Princeton, NJ.
- Mellars, Paul (2010) "Neanderthal symbolism and ornament manufacture: The bursting of a bubble?", *PNAS*, Vol. 107 (47), pp. 20147–20148.
- Okladnikov, Alexey P. (1949) "Study of the Mousterian site and the burial of a Neanderthal in the Teshik-Tash grotto, Southern Uzbekistan (Central Asia)", *Teshik-Tash. Paleolithic man*, MGU, Moscow, pp. 7–85 (in Russian).
- Otte, Marcel (2015) "Aptitudes cognitives des Néandertaliens", *Bull. Mus. Anthropol. préhist. Monaco*, No. 55, pp. 5–30.
- Patou-Mathis, Marylène (2011) "Néandertal un grand chasseur", *Dossier d'Archéologie*, No. 345, pp. 58–61.
- Powell, Adam, Shennan, Stephen, Thomas, Marc G. (2009) "Late Pleistocene Demography and the Appearance of Modern Human Behavior", *Science*, Vol. 324, pp. 1298–1301.
- Propp, Vladimir Ya. (2001) "Structural and Historical Study of Fairy Tale", *Semiotics: Anthology*, *Academicheskii proect*, Moscow, pp. 453–471 (in Russian).
- Reich, David et al. (2010) "Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia", *Nature*, Vol. 468, pp. 1053–1060.
- Richter, Danial et al. (2017) "The age of the hominin fossils from Jebel Irhoud, Morocco, and the origins of the Middle Stone Age", *Nature*, Vol. 546, pp. 293–296.
- Rodríguez-Vidal, Joaquín et al. (2014) "A rock engraving made by Neanderthals in Gibraltar", *PNAS*, Vol. 111 (37), pp. 13301–13306.
- Ruhlen, Merritt (1996) *On the Origin of Languages: Studies in Linguistic Taxonomy*, Wiley, New York.
- Shakhnovich, Marianna M., Teryukova, Ekaterina A., eds. (2018) *The history of religious studies and the intellectual history of Russia in the 19th – first half of the 20th century. Archival materials and re-search*, SPbGU, Saint Petersburg (in Russian).
- Vishnyatsky, Leonid B. (2010) *Neanderthals: A History of Failed Humanity*, Nestor-Istoriya, Saint Petersburg (in Russian).
- Volpato, Virginie et al. (2012) "Hand to Mouth in a Neandertal: Right-Handedness in Regourdou 1", *PLoS*, Vol. 7, pp. 1–6.
- Zabiyako, Andrey P. (2018) "Genesis of Religion: the Emergence of Zoolatry on the Materials of Rock Paintings", *Religiovedenie*, Vol. 4, pp. 5–25 (in Russian).
- Zabiyako, Andrey P. (2020) "The Genesis of Religion: the Emergence of Zoolatry Based on the Materials of Mobile Art in Western and Central Europe", *Religiovedenie*, Vol. 1, pp. 5–28 (in Russian).
- Zilhão João (2012) "Personal Ornaments and Symbolism Among the Neanderthals", Elias, Scott, ed., *Origins of Human Innovation and Creativity*, Elsevier Science Publishers B.V., Amsterdam, pp. 35–49.

Сведения об авторе

ЗАБИЯКО Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории археологии и антропологии Амурского государственного университета.

Author's Information

ZABIYAKO Andrey P. – DSc in Philosophy, Professor, Chief Researcher, Laboratory of Archeology and Anthropology, Amur State University.